Говоря о том, что в драме индивид «не остается в своей замкнутой самостоятельности», а оказывается «в конфликте и в борьбе с другими индивидами», Гегель замечает, что в результате «ясно выявляется собственная внутренняя сущность человеческих целей, характеров и конфликтов». Открывающееся через действие богатство и многообразие мира — в его «внутреннем», или «субъективном» аспекте — противопоставляется изображению мира в эпосе в качестве «другой стороны эпического» [1, т. 3, с. 540].

Это многозначительное суждение, во-первых, приравнивает драму эпосу — при всей противоположности эпох, служащих почвой для этих форм. Во-вторых, получается, что если для эпоса непосредственное единство «чувства и действия», «внутренних последовательно осуществляемых целей и внешних случайностей и событий» — объективно-историческая предпосылка, почва этой формы искусства, то драма достигает аналогичного единства, отсутствующего в условиях ее эпохи, средствами искусства, присущими именно этому роду.

В сущности, задача драмы, по Гегелю,— *художественное преодоление отчуждения*, выражающегося в распаде эпического единства внутреннего и внешнего. В природу драмы заложена необходимость «внешней реализации» внутреннего мира, т. е. осуществления чувства индивида и его цели в поступке и действии. Замкнутость индивидуального преодолевается за счет столкновения с другими индивидами и их целями, т. е. благодаря коллизии. Таковы художественные возможности восстановления полноты и единства мира в драме. Для того чтобы эти возможности были до конца реализованы, необходимо целенаправленное развертывание и разрешение коллизии.

Этому моменту Гегель совершенно не случайно уделяет особое внимание. Само требование единства действия он понимает таким образом, что коллизия должна оказаться «в конце концов соразмерной целям и характерам, в то же время снимая их противоречие друг другу» [1, т. 3, с. 546]. Далее эта «соразмерность» расшифрована уже как *тождество*: «... истинный конец бывает достигнут только тогда, когда цель и интерес действия, вокруг которого вращается целое, оказываются тождественными с индивидами и всецело связанными с ними» [1, т. 3, с. 547]. Если учесть, что в качестве содержания и цели человеческой индивидуальности в драме должно выступить «божественное и истинное» [1, т. 3, с. 542], то мы вправе предположить, что цель драматического действия, по Гегелю, состоит в воссоединении духовной индивидуальности конкретного человека с духом как таковым или же духа — с самим собой. Как раз такую формулировку мы находим в самом начале изложения под пунктом «Драма как поэтическое произведение искусства».

Здесь выясняется, что реализация внутреннего мира персонажа в действии драмы приводит к осознанию им самим объективного характера и смысла своей цели и поступка: «... действие есть исполненная воля, которая вместе с тем осознается как с точки зрения своего истока и исходного момента во внутреннем мире, так и с точки зрения конечного результата. То, что получается из деяния, обнаруживается и для самого индивида, оказывая обратное воздействие на субъективный характер и его состояние» [1, т. 3, с. 541]. Иначе говоря, главное условие должного развертывания и разрешения драматической коллизии — *рефлексия* персонажа по поводу истоков и результатов своего поступка. И как раз на почве этой рефлексии конечный итог действия выглядит *примирением* действующего *субъекта с собой:* «Только таким образом действие и выступает как действие, как действительное выполнение внутренних намерений и целей, с реальностью которых субъект смыкается как с самим собою и в которых он хочет самого себя и наслаждается собою» [1, т 3, с. 541].

II

Таким образом, трактовка действия и в особенности развязки драмы у Гегеля двойственна. С одной стороны, если делается акцент на столкновении разных индивидов и их целей, то развязка «выявляет собственную внутреннюю сущность человеческих целей, характеров и конфликтов». С другой — если акцентируется